

РЕЛИГИОЗНЫЕ ФЕНОМЕНЫ И ВАРИАТИВНОСТЬ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

Соколовская О.В.

ФГБОУ ВПО Омский государственный педагогический университет, Россия (644099, Омск, Набережная им. Тухачевского, 14)

В современной христианской цивилизации присутствуют три основных религиозных феномена: Православие, Католицизм и Протестантизм. Влияние этих феноменов на общественное сознание и формирование правовой материи, в том числе и на вариативность моральной и юридической оценок таких важных категорий, как должное, допустимое и противоправное поведение, на конкретных культурно-исторических территориях вполне очевидно. В условиях глобализации происходит «размывание» исторически сложившихся границ культурного доминирования тех или иных религиозных феноменов. Чтобы в поисках справедливого мироустройства не растерять духовное наследие предков, необходимо более внимательно и бережно относиться к духовным ценностям российской цивилизации, сохраняемым православным феноменом. Всякое заимствование необходимо осуществлять взвешенно и осмысленно. Новации не должны девальвировать традиционные духовно-нравственные константы российского общества.

Ключевые слова: религиозные феномены, оценка преступлений, христианский нравственный императив, православие, католицизм, протестантизм.

RELIGIOUS PHENOMENA AND VARIABILITY OF ASSESSMENT OF CRIMES IN CHRISTIAN WORLD

Sokolovskaya O.V.

FGBOU VPO Omsk State Pedagogical University, Russia (644099, Omsk, Naberezhnaya im. Tukhachevskogo, 14)

In modern Christian civilization there are three main religious phenomena: Orthodoxy, Catholicism, Protestantism. The influence of these phenomena on public consciousness and on formation of legal matter, including the variability of moral and juridical assessment of such important categories as due, admissible and illegal behavior in concrete cultural and historical territories, is quite obvious. In conditions of globalization the “washing out” of historically developed borders of cultural domination of these or those religious phenomena takes place. In order not to lose the spiritual heritage of ancestors during the search of fair world order, it is necessary to treat the cultural wealth of Russian civilization kept by Orthodox phenomenon more attentively and carefully. It is necessary to make any adoption deliberately and with comprehension. Innovations must not devalue the traditional spiritual and moral constants of Russian society.

Keywords: religious phenomenon, assessment of crimes, Christian moral imperative, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism.

Варианты моральной и правовой оценки преступлений общественным сознанием находятся в прямой зависимости от принятой в социуме шкалы должного и допустимого поведения в нравственно артикулированной ценностной системе. Наиболее влиятельными факторами, влияющими на формирование концептуальной системы ценностей на христианизированном культурно-историческом пространстве, являются религиозные феномены. Эти религиозные явления сберегают в общественном сознании константные эталоны нравственной оценки сущего с точки зрения Божественной истины. Разнообразие вариантов оценки противоправных проявлений обуславливается спецификой христианских культур, доминирующих в конкретном социуме, и определяющих тенденции развития общественного сознания. Принято считать, что в результате генезиса государственно-

политических образований исторически в рамках христианской цивилизации сформировались и существуют три основные церкви: Православная Церковь – на Востоке, Католическая Церковь и вышедшие из неё Протестантские деноминации – на Западе.

Архетипические идеи свободы личности, справедливости являются основообразующими ценностями и бесспорными достижениями христианской культуры. Тем не менее, каждый христианский феномен является самоценностью, обладающей собственным видением сущностного содержания христианских нравственных императивов, обуславливающих, наряду с язычеством, многовариантность и своеобразие оценок преступлений в традициях и правовых системах того или иного человеческого сообщества. Развитие христианского учения на территориях языческих государств Западной Европы, имевших развитую систему римского права, привело к формированию религиозных феноменов, в которых рациональные смыслы материального мира встали в один ряд с иррациональными. Идеальной основой этих феноменов стали концепции св. Августина (354 - 430) на основе которых, сформировались рациональные теологические представления западных христиан о приоритете личной свободы и способности человеческого разума к восполнению и самопроизвольному толкованию данных Богом истин, исходя из ситуаций текущего момента. В результате был модифицирован изначальный взгляд на триединую сущность Бога и Его всеобъемлющую любовь к человеку. Всевышний в этих феноменах представляется как строгий судья, а страх неотвратимого и сурового наказания доминирует над верой в триединую, всеохватывающую Божественную любовь. Эта тенденция оказала определяющее влияние на внутреннюю логику общественного правосознания в поисках справедливого мироустройства и правоприменения на Западе, повлияла на формирование различных вариантов оценки преступлений на базовом, морально-нравственном уровне. Примером такого разномыслия в современном католико-протестантском мире может служить отношение к смертной казни. Так, если в католико-протестантской Западной Европе смертная казнь отменена, то в США, в которых доминирует феномен протестантизма, смертная казнь является нормой правоприменения и не отторгается общественным сознанием. Развитие западным общественным сознанием гуманистических идей о личной свободе и о всеисильности человеческого разума привело, в свою очередь, к активному распространению секулярных идей, которые в определённой мере коррелируются с характеристиками антихристианских ценностных координат и способствуют переформатированию всей ценностной системы социума. Так, например, А. Маслоу отмечает, что «в соответствии с теорией Друкера (113), после прихода христианства в умах людей, населяющих Западную Европу, постоянно присутствовала идея о некой квинтэссенции счастья». Друкер выделяет четыре разновидности этой квинтэссенции,

которые одна за другой подчиняли себя все чаяния европейского человека. Каждая из них предполагала свой тип идеального человека, и любой устремившийся к этому идеалу, рассчитывал обрести свое счастье. В средние века дорога к счастью пролегла через религиозность, в эпоху Возрождения идеалом стал мыслящий человек. После того как Европа встала на путь капиталистического развития и особенно после распространения марксистской теории, место мыслителя занял деловой человек, предприниматель. И наконец, не так давно в странах Западной Европы и особенно в странах с фашистской диктатурой общественное сознание поработил миф о героическом человеке (или о сверхчеловеке, если говорить языком Ницше)» [1].

В конечном итоге западное общественное сознание в вопросе оценки противоправных проявлений и асоциального поведения перестало уделять достаточное внимание духовной сфере. Феномены католицизма и протестантизма органично сопрягаясь на почве рационализма с секулярной идеологией, способствовали созданию в западном христианском мире идейной, морально-нравственной платформы для оценки преступления с мировоззренческой позиции, отражающей интересы и устремления деятельной личности. Ради создания для человека душевного комфорта в условиях конкурентного, конфликтного по своей природе общества, главенствующие на Западе религиозные феномены пытаются оправдать императивный характер рациональной целесообразности сущего. Обращает на себя внимание то, что общественное сознание Запада при оценке правонарушений с готовностью отказалось от Божественной истины во имя рациональных смыслов, оформленных нормами права. Необходимость следования Заветам Всевышнего, создающим жёсткие духовные рамки надлежащего поведения человека в социуме, оценивается как насилие над индивидуальной свободой личности и отвергается общественным сознанием. В основу нравственной оценки были заложены нормы позитивного права, якобы способного регулировать все сферы человеческого бытия. Закономерной реакцией на такие установки стало сжатие в общественном сознании Запада рамок должного и внедрение в качестве допустимого поведения норм, ранее считавшихся грехом и осуждавшихся христианской моралью во всех без исключения христианских конфессиях. Для западного общественного сознания нравственным становится то, что имеет внешне благопристойный, законный вид, приносит индивиду материальную выгоду и доставляет психофизическое удовольствие. Перманентная девальвация в общественном сознании Запада Божественных истин привела к первичности материальной выгоды и благ сущего над христианскими нравственными ценностями, утрате приоритета Божественной правды в оценке событий повседневной действительности. Произошло «размывание» императива нравственных христианских критериев должного и греховного. В результате этого при оценке преступлений религиозный

смысл греха утратил своё сакральное, определяющее значение и занял периферийное, второстепенное положение в общественном сознании западных христиан. На наших глазах грех превращается в обыденное, нормальное явление повседневной европейской действительности, в норму светской этики и законодательства Запада. Лояльное, терпимое отношение к законодательно оформленному греху становится повседневной действительностью для западного обывателя. Определённые различия в оценке тех или иных преступлений на культурно-исторических пространствах с доминированием католико-протестантских феноменов не носят принципиального характера. В целом вариативность оценок преступлений в католико-протестантском мире обусловлена эгоистическими началами биологической природы человека и имеет бездуховный, формализованный характер, слабо обременённый нормами христианской нравственности. Приоритетное значение имеет определение выраженного в денежном эквиваленте размера компенсации причинённого материального или морального ущерба, но не степень греховности того или иного поступка. Оценка преступлений осуществляется разумом индивида по внешним, формальным признакам рационального свойства и не затрагивает более глубокой, внутренней, греховной сущности человеческой натуры, побудившей индивида к асоциальному поведению. Такой иррациональный инструмент духовной оценки, как совесть, становится вторичным и утрачивает своё истинное значение. Поэтому в случае соответствия поведения человека формализованным предписаниям закона его совесть остаётся в спокойном, инертном состоянии, даже если эти нормативные предписания предполагают греховное, богоборческое поведение.

В результате многовековых разногласий между христианскими конфессиями Востока и Запада по сущностным теологическим проблемам объективной реальностью стало то, что в то время как на Западе сформировалась цивилизация, ценностной основой которой является материальная выгода и меркантильный интерес, на православном Востоке сложилась система ценностей, основанная на иррациональных, нравственных критериях духовного порядка. В отличие от западных религиозных феноменов, Православная Церковь, будучи более консервативной, нежели Католическая и тем более Протестантская церкви, сохранила в первозданном, незамутнённом виде основу христианского нравственного императива – интерпретацию догматов о Святой Троице и Божественной любви. Как следствие, православному феномену исторически чужд присущий западным христианам юридический взгляд на грех, рациональная оценка его последствий и методов спасения от него. Православие не приемлет свойственного западным религиозным феноменам, особенно протестантизму, юридического понимания спасения от греха как сделки человека с Богом. Епископ Диоклийский Каллист (Уэр) пишет: «...Грех нужно рассматривать в основном не в

юридических терминах (как нарушение морального кодекса), а скорее, в экзистенциальной перспективе, как невыполнение своего предназначения. Грех – нехватка подлинной человечности, а значит, прежде всего – утрата родства, близости. Быть людьми в соответствии с образом Бога-Троицы значит любить друг друга, следуя взаимной любви Лиц Троицы. Таким образом, греховность как нехватка подлинной человечности отделяет от Бога и от ближнего. Это отсутствие единства. Как говорит св. Макарий (IV в.), «в аду мы не видим лиц друг друга» [6].

В русской православной культуре синтез языческих обычаев и христианских заповедей породил на бытовом уровне свои своеобразные варианты представлений о моральных нормах и правилах социального общения. Благодаря православному феномену, нашему общественному сознанию в течение многих веков удаётся в какой-то мере сохранять баланс иррациональных и рациональных жизненных смыслов и не скатиться в пустоту бездуховности. Определенность и бескомпромиссность христианской нравственной шкалы в православном мире не рассматривается как насилие над свободой личности. Православие оставляет человеку свободу выбора между грехом и добродетелью. Сознательный выбор индивидом христианских нравственных императивов добра и зла в качестве главных критериев должного и недопустимого превращает его в духовно свободную личность, а совесть сохраняет свою значимость и даёт его разуму абсолютно точную оценку иррационального свойства, соразмерности личной либо корпоративной правды, а также законодательных норм с Божественной истиной. Поэтому безнравственные, с точки зрения христианства, нормы и ценности западного мира отвергаются членами религиозных страт, придерживающихся православных традиций.

По этому поводу священник К. Камышанов пишет: «Зов Бога мы можем услышать сердцем, принимающим благодать. Эта благодать нам дается не только в храме и в таинствах, но и за его оградой. Она везде. Благодать принимается от честной работы, от верности людям, от всего того, что без Бога — губит и ведет к греху и одиночеству безбожия. <...> Надо жить и любить. В этом случае Закон всего лишь инструмент усиления любви, но никак не смысл жизни. Кто же любит инструмент больше дела? Закон сам по себе охлаждает и высушивает душу» [5]. Возможно, благодаря именно такому мироощущению, вера в справедливость на основе закона никогда не были сильной стороной отечественного общественного сознания. Исторически для народов России первостепенное значение имеют духовные, нравственные основания, формальная законность традиционно является фактором вторичным. В основе отечественного понимания справедливого мироощущения лежат традиционные христианские представления о добре и зле, а главным инструментом оценки при определении меры наказания за допущенное правонарушение является не

меркантильный расчёт и выгода, а не имеющая материального эквивалента, дарованная человеку Всевышним совесть. По отношению которой, С.А. Левицкий пишет: «Совесть осуждает нас не за сами поступки, а за качество мотива, из которого они вытекают, – за выбор низкой, ложной или мнимой ценности. Она осуждает не наш поступок, а его первопричину: направленность нашего «я» на низшие или отрицательные ценности». <...>. Совесть необъяснима ни природно, ни социально. Совесть может быть понятна лишь на основе метафизики сверхличных ценностей, ибо само существо совести – метафизично. <...>. Но отношение личности к ценностям носит не принудительный, а свободный характер» [4].

На этом фоне превозносимая Западом перманентная гуманизация правовой системы на секулярной, бездуховной основе позитивного права способна породить в наших условиях целый ряд проблем в обеспечении правопорядка и правоприменения. Одна из них заключается в том, что привносимые в многонациональное и многоконфессиональное по своей структуре общественное правовое сознание западные принципы приоритета прав и свобод личности сталкиваются в нашей реальной действительности с отсутствием общепринятого понимания меры вины и наказания. Критерии, устанавливающие пропорции между причинённым вредом и наказанием, не имеют чётких границ и разбалансированы. В связи с этим западные новации задействуются избирательно и непоследовательно, в угоду сиюминутным политико-экономическим реалиям. Усложняет ситуацию и то, что исторически суд в России воспринимается не как независимый и авторитетный институт, воплощающий справедливость, а как карающая, своевольная машина. Для православного сознания свойственно представление о суде как о самоуправном персте судьбы, для которого закон является только средством причинения человеку несправедливых обид и борьба с которым не имеет смысла. Подтверждением этого являются русские народные пословицы: «Законы святы, да судьи крючковаты (супостаты). Не бойся закона, бойся законника (судьи). Закон дышло: куда хочешь, туда и воротишь (туда и вышло). Где закон (или: законники) – там и обида» [3]. Даже безупречное с юридической точки зрения решение суда может восприниматься как несправедливое при использовании в качестве эталона должного Божественных истин. Традиционно русские считали, что «в Боге нет неправды» [3]. Подобные оценки могут иметь место как в случае присутствия в деле конфликта политических, классовых или этнических групп, так и в частном случае по причине несоответствия решения суда нравственному эталону должного, задаваемого религиозным сознанием. В своё время Н.А. Бердяевым было замечено, что «у русских и, может быть, только у русских есть сомнение в справедливости наказаний» [2]. Он считал, что «два

противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионистическая стихия и аскетически-монашеское православие» [2].

Необходимо также учитывать, что само понимание справедливости на Востоке и на Западе различное. В отличие от Западного, в православии справедливость понимается с позиции Божественной правды, основанной на любви Бога к людям, а не норм позитивного права. В православном сознании термин «справедливость» не столь формализован и в большей степени ориентирован на нравственные правила поведения в повседневной жизни и ассоциируется, прежде всего, с такими понятиями, как «правда», «обычай». В глубинном понимании русского народа преступление – это болезнь души. Варианты оценки преступления, его степени опасности для общества, а также отношение к преступнику в общественном сознании нашего народа осуществляются с позиции человека созерцательного по своей натуре, склонного к покаянию, которому близки традиции соборности, ставящего во главу угла традиционный порядок отношений в обществе на основе универсальных нравственных идей и ценностей христианства. Нормы позитивного права, противоречащие Божественной истине, общественным сознанием не воспринимаются в качестве должного. Оценку получает грех как первичный источник зла и преступления, а не человек, являющийся носителем этого греха.

Из вышеприведённого анализа видно, что варианты оценки преступлений на Востоке и на Западе имеют существенные различия, обусловленные влиянием доминирующих религиозных феноменов. На Западе, где преобладают католичество и протестантизм, сформировались варианты оценки преступлений на основе меркантильного, прагматического расчёта, обусловленного тварной, биологической природой человека. На культурно-исторической территории нашей страны, при доминирующем положении православного феномена, основу такой оценки составляет внутреннее чувство справедливости, присущее духовной составляющей человеческой натуры. Оценка осуществляется с традиционной для нашей страны мировоззренческой позиции, для которой рациональные ценности не являются общепризнанным императивом, а грех не утратил своего сакрального смысла. Представляется, что в условиях глобализации и идеологической незащищённости нашего общественного сознания, требуется внимательное, критическое осмысление западных вариантов оценки должного и противоправного. Бездумное копирование западных вариантов оценки должного и противоправного может привести к подрыву корневой, иррациональной основы общественного правосознания, усилению процесса атомизации социальных связей и, как следствие, к утрате нашим обществом собственной идентичности. В целях её сохранения необходимо опираться на традиционную для нашего общества

мировоззренческую систему идей и ценностей, сохраняемых таким религиозным феноменом, как Православие.

Список литературы

1. Абрахам Г. Маслоу. Мотивация и личность. / Перевод с англ. Татлыбаевой А.М. Вступительная статья Акулиной Н.Н. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. нач. XX в. / Н.А. Бердяев. Судьба России. – М.: СВАРОГ и К, 1997. – 540 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1 А-З: – М.: Русский язык, 1981. – 699 с.
4. Левицкий С.А. Трагедия свободы / составление, послесловие и комментарии В.В. Сапова., Т. 1. – М.: КАНОН. 1995. – 512 с.
5. Священник Константин Камышанов. Друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? URL: <http://katehizis.ru/raznie-publikatsii/druk-kak-ti-voshel-siuda-ne-v-brachnoy-odezhde> (дата обращения 02.10.2013)
6. Учение о спасении в разных христианских конфессиях / (Серия «Диалог»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – 168 с.

Рецензенты:

Денисов С.Ф., д.филос.н., профессор кафедры философии, зав. кафедрой философии ОмГПУ, г. Омск.

Нефедова Л.К., д.филос.н., профессор кафедры философии ОмГПУ, г. Омск.